

БУК «Областная библиотека для детей и юношества»

сборник сценариев

Омск, 2015

Оглавление

От составителя	3
«Узнаю по всем приметам болезнь любви в душе моей...»: поэтический час	5
Молодой дворянин в письмах и произведениях Пушкина: лекция	20
Сказки Пушкина. Викторина для знатоков: текст к слайд- презентации.....	45

В гости к Пушкину [Текст]: сборник сценариев / Областная библиотека для детей и юношества; сост.: Е.В. Маркова. – Омск, 2015. – 50 с.

От составителя

Ежегодно отмечая Пушкинский день, библиотеки сталкиваются с одной и той же проблемой: что и как можно сказать нового о «нашем всём» – об Александре Сергеевиче Пушкине, насквозь изученном, всеобщем знакомце: «А кто отвечать будет? Пушкин?», «Откуда мне знать? Я что, Пушкин?». Поэтому «новым» становится не новое вообще, а *новое* для *нового* поколения читателей: традиционные викторины по сказкам Пушкина – меняем формат, меняем оформление, добавляем видео, переформулируем вопросы и пр.; лекции и беседы о произведениях поэта – скажем, не «Любовная лирика» вообще, а стихи, посвященные двум женщинам: Анне Керн и Каролине Собаньской – именно такой сценарий поэтического часа «Узнаю по всем приметам болезнь любви в душе моей...» включен в сборник.

Поэтический час «Узнаю по всем приметам болезнь любви в душе моей...» включает знаменитое стихотворение «Что в имени тебе моём» в переводе на польский – реверанс красавице Каролине. Если нужно будет использовать аудиозапись романса «Что в имени тебе моем...» – лучше взять безыскусное исполнение В. Пака.

Лекция «Молодой дворянин в письмах и произведениях Пушкина» – самое объемное мероприятие – предполагает обильное цитирование.

Из текста лекции можно выделить часть (с. 31 – 37), посвященную дуэли в пушкинское время и провести на ее основе иллюстрированную беседу «Дуэль в произведениях Пушкина». Иллюстрациями к беседе послужат фрагменты слайд-презентации «Молодой дворянин в письмах и произведениях Пушкина» и отрывки из фильмов – экранизаций произведений А.С. Пушкина, данные в приложении.

Викторина «Сказки Пушкина», включенная в сборник, простая, но яркая и красочная, выполнена в виде слайд-презентации. Викторину можно включить практически в любое

мероприятие для детей, посвященное Пушкину. Викторина предлагает выбор одного из вариантов ответов, что проще, нежели один ответ, который еще надо припомнить, и позволяет воспринимать викторину как игру, а не как проверку знаний.

Представленные в сборнике мероприятия адресованы подросткам 14 – 17 лет.

К печатному варианту сборника дается приложение на компакт-диске:

- слайд-презентация «Узнаю по всем приметам болезнь любви в душе моей...»;
- слайд-презентация «Молодой дворянин в письмах и произведениях Пушкина»;
- слайд-презентация «Сказки Пушкина». Викторина для знатоков;
- фрагмент кинофильма «Онегин», режиссер М. Фейн (Великобритания, США), 1988 год;
- фрагмент кинофильма «Капитанская дочка», режиссер В Каплуновский (СССР), 1958 год;
- фрагмент кинофильма «Дубровский», режиссер В. Никифоров (СССР), 1988 год;
- фрагмент кинофильма «Выстрел», режиссер Н. Трахтенберг (СССР), 1966 год.

Электронный вариант сборника, размещенный на официальном сайте библиотеки <http://oubomsk.ru> в разделе «Коллегам. Методические материалы», также снабжен приложением.

Для проведения мероприятий, включенных в сборник, потребуется следующее оборудование и технические средства: компьютер, проектор, экран, звуковые колонки.

**«Узнаю по всем приметам болезнь любви в душе моей...»:
поэтический час**

БИБЛИОТЕКАРЬ:

(слайд 1) Любовная лирика есть у каждого поэта. А уж у Пушкина, который «наше всё» – тем более.

Даже в детских сказках герой влюбляется в принцессу или простушку и всё кончается свадьбой, несмотря на то, что на пути к счастливой развязке приходится преодолевать немало препятствий. В стихотворениях этих препятствий порой больше, только они иного свойства – затронута область сложных человеческих отношений, переживаний.

Обычно даже те, кто стихов не любит, легко определяют тему стихотворения: о дружбе, о любви, о природе... Но у великого поэта, тем более у Пушкина, любовные переживания редко умещаются в определение «интимная лирика». В одном стихотворении – и природа, и любовь, и философия, так же нераздельно, как и в жизни. В целом же любовная лирика Пушкина неоднородна: милые, пусть и талантливые, пустячки уживаются рядом с гениальными стихами, жемчужинами русской лирической поэзии. Объяснить это несложно.

При жизни поэта дамы и девицы, получив стихотворное послание или посвящение, например, в традиционный дамский альбом, нередко бывали не на шутку польщены: как же, известный поэт заметил, отличил, выделил среди многих, значит, я и в самом деле хороша и поэтична. Современники, читатели Пушкина, не слишком искушенные в искусстве, с азартом следили за поэтическими проказами Пушкина. А он, судя по переписке, иногда подогревал слухи, подыгрывал. Да и как не подыграть, если все с нетерпением ждали: «В кого ж теперь?..»; так, кстати, появился «донжуанский список» Пушкина, который некоторые исследователи воспринимают всерьез и даже ставят поэту в вину неприличное хвастовство победами над женщинами. На самом деле этот список был записан Пушкиным в альбом сестер Ушаковых. В те годы дамы

обязательно имели альбомы, куда заносились дружеские стихи, рисунки, просто автографы друзей, гостей дома. Поэтому воспринимать этот список стоит как шутку, как перечень имен женщин, которые когда-то очаровали поэта, произвели на него сильное впечатление. По словам Марии Волконской, поэт «считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался».

(слайд 2) Однако некоторые вызывали в поэте глубокое и сильное чувство.

(слайд 3) Такими были Каролина Собаньская и Анна Керн, обе редкие, классические красавицы, с несколько холодноватой внешностью и, как сказали бы сейчас, женщины с биографией.

(слайд 4) Каролине-Розалии-Текле Собаньской, в девичестве Ржевусской, мы обязаны одной из жемчужин пушкинской лирики, шедевр, с которым не может сравниться никакое другое стихотворение подобного жанра – «Что в имени тебе моём...»

Каролина Собаньская и ссыльный молодой поэт познакомились в Одессе. **(слайд 5)** Красавица-полька была старше поэта на 5 лет, состояла в связи с начальником южных военных поселений и попечителем Ришельевского лицея генералом Яном Виттом **(слайд 6)** и являлась одновременно политическим агентом (или, если угодно, шпионкой) генерала. В обязанности генерала входил надзор за ссыльными, **(слайд 7)** в том числе Пушкиным и **(слайд 8)** молодым Адамом Мицкевичем, тоже известным поэтом, в то время завоевывавшем славу национального поэта Польши. Каролина в соответствии с инструкцией, полученной от Витта, увлекла обоих поэтов, и хотя её связь с Пушкиным завязывалась как заурядная интрижка (а почему бы молодому человеку хорошей фамилии и не приволокнуться за блистательной светской красавицей?), она затем переросла в нечто большее. Каролина была европейски образованна, блестяще остроумна, изящна, весела и дерзка. Как и вся её семья, Каролина гордилась своим происхождением и

любила напоминать, что она правнучка французской королевы Марии Лещинской. Мать ее, Юстина происходила из старинного рода Рдултовских, а по отцу она являлась родственницей княгини Розалии Ржевусской, урожденной Любомирской, которую гильотинировали на Гревской площади в Париже вместе с королевой Марией-Антуанеттой. Старый муж, высокопоставленный покровитель, слухи о её шпионстве (пока только слухи; их правдивость дама подтвердила значительно позже), её любовные связи интриговали поэта. Для двадцатых годов XIX века женщина, соединявшая в себе светскую львицу и тайную агентессу, являла редкий психологический тип. Мало озабоченная светскими сплетнями («... В этом унижительном положении ее называли наложницей Витта. Какую твердость умела она показывать и как высоко подыматься даже над преследующими ее женщинами! Мне случалось видеть в гостиных, как, не обращая внимания на строгие взгляды и глухо шумящий ропот негодования, с поднятой головой бодро шла она мимо всех не к последнему месту, на которое садилась, ну право, как бы королева на трон. Много в этом случае помогали ей необыкновенная смелость (ныне ее назвал бы я наглостью) и высокое светское образование». Из воспоминаний Вигеля). (слайд 9) Она редко давала себе труд заботиться о своей и чужой репутации, пренебрегала привязанностями, легко рвала любовные и дружеские связи. Не испытывая к какому – нибудь из своих поклонников интереса, она не скрывала этого. Так, Мицкевич, глубоко оскорбленный ее холодностью, почти равнодушием, написал злой, почти провокационно оскорбительный сонет:

ЧТЕЦ: (слайд 10)

Пренебрегаешь мной! Уже погас твой пыл?

Но он и не горел. Иль стала ты скромнее?

Другим ты увлеклась. Ждешь золота, краснея?

Но прежде я тебе за ласки не платил.

Но не платя, я их не дешево купил:

Я жертвы приносил, что золота ценнее,
Платил покоем я, платил душой своею...
Зачем же ты ушла? Напрасно б я спросил.
Сегодня у тебя порок открыл я новый:
Ты жаждала похвал. Хвалить бы мог я дым!
Чужой судьбою ты играешь из-за слова.
Не купишь музы ты! Когда стихом своим
Хотел тебя венчать я, как венком лавровым,
То стих мой каменел, став нем и недвижим.

БИБЛИОТЕКАРЬ: (слайд 11)

Пушкин такой ярости и горделивого презрения никогда к Собаньской не испытывал. Мы располагаем двумя черновиками писем Пушкина к Собаньской, написанными много лет спустя, 2 февраля 1830 года в Петербурге. У поэта было достаточно времени, чтобы осмыслить свои отношения с красавицей-полькой. С высоты жизненного опыта он судит о том, кем была в его судьбе эта женщина, по-настоящему открывшая ему тайны страсти как мучительного, высокого и подчас горького чувства. Эти письма характеризуют Каролину не меньше, чем автора: ну, не могла женщина, вызвавшая столь сильные эмоции, быть заурядной шпионкой и потаскушкой, не могла женщина, потрясшая все существо поэта и его воображение так, чтобы через много лет он помнил свои ощущения от встреч с ней, будто все происходило только вчера, быть беспринципной интриганкой, какой называют ее многие пушкинисты! В первом, небольшом, письме Пушкина к Каролине поражает признание неразрывности их существования. Сколько времени утекло, какие грозы отшумели!

ЧТЕЦ: (слайд 12)

«Чем более я об этом думаю, тем более вижу, что моя жизнь неотделима от вашей; я рожден, чтобы вас любить и следовать за вами – всякая иная забота с моей стороны заблуждение или безрассудство ...одно лишь ваше присутствие

меня воодушевляет. Вдали от вас я испытываю сожаления по поводу счастья, коим я не умел насытиться. В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки... Рано или поздно мне придется все бросить и пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму. Там я смогу совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть».

БИБЛИОТЕКАРЬ:

Небольшое письмо переполнено чувством. В эпистолярном наследии Пушкина нет более ничего подобного; строки дышат любовью, нежностью, благодарной и даже благоговейной памятью. Разве не характеризуют эти строки адресата не менее чем автора? **(слайд 13)** В другом письме: «Я испытал на себе все ваше могущество». В 1830 году Каролина попросила Пушкина вписать ей в альбом свое имя. В ответ на обычную просьбу того времени родился лирический шедевр:

ЧТЕЦ: **(слайд 14)**

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.
Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.
Но в день печали, в тишине,

Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

БИБЛИОТЕКАРЬ:

Стихотворение, посвященное польке, в переводе на польский звучит так, словно и было изначально написано на этом языке.

ЧТЕЦ: (слайд 15)

Cóż tobie imię moje powie?]

Cóż tobie imię moje powie?
Umrze jak smutny poszum fali,
Co plunie w brzeg i zmilknie w dali,
jak nocą głuchą dźwięk w dąbrowie,
Skreślone w twoim imionniku,
Zostawi martwy ład, podobny
Do hieroglifów płyt nagrobnych
W niezrozumiałym języku.
Cóż po nim? Pamięć jego zgłuszy
Wir wzruszeń nowych i burzliwych
I już nie wskrzesi w twojej duszy
Uczuć niewinnych, wspomnień tkliwych.
Lecz gdy ci będzie smutno - wspomnij,
Wymów je szeptem jak niczyje
I powiedz: ktoś pamięta o mnie,
Jest w świecie serce, w którym żyję.

(Транскрипция для чтения

Цужь тобе имио(н) мое пове?)

*(Цужь тобе имио(н) мое пове?
Умжэ як смутны пошум фали,
Цд плуне в бжег и змилькне в дали,*

*Як ноцо(н) глухо(н) дзьвеньк в до(м)брове,
Скресьленэ в твоим имионнику
Зостави мартвы ло(н)д, подобны
До хиероглифув пуйт нагробных
В незрозумяуым е(н)зыку
Цужь по ним? Паме(н)ть его зглуши .
ир взрушень новых и бужливых
И юж не вскшеси в твоей души
Учуць невинных, вспомнень ткливых.*

*Лэчь гды ци бе(н)дье смутно – вспомний,
Вымувь йе шептэм як ничыйе
И поведзь – ктуть памие(н)та о мне,
Йест в сьветье сэрге, в ктурым жие.)*

БИБЛИОТЕКАРЬ:

Под впечатлением от этой любовной истории Беллой Ахмадулиной написано стихотворение «Он и она»

ЧТЕЦ: (слайд 16)

Каков? - Таков: как в Африке, курчав
и рус, как здесь, где вы и я, где север.
Когда влюблен - опасен, зол в речах.
Когда весна - хмур, нездоров, рассеян.
Ужасен, если оскорблен. Ревнив.
Рожден в Москве. Истоки крови - родом
из чуждых пекл, где закипает Нил.
Пульс - бешеный. Куда там нильским водам!
Гневить не следует: настигнет и убьет.
Когда разгневан - страшно смугл и бледен.
Когда железом ранен в жизнь, в живот
не стонет, не страшится, кротко бредит.
В глазах - та странность, что белок белей,
чем нужно для зрачка, который светел.
Негр ремесла, а рыщет вдоль аллей,

как вольный франт. Вот так ее и встретил
в пустой аллее. Какова она?
Божественна! Он смотрит (злой, опасный).
Собаньская (Ржевусской рождена,
но рано вышла замуж, муж — Собаньский,
бесхитростен, ничем не знаменит,
тих, неказист и надобен для виду.
Его собой затмить и заменить
со временем случится графу Витту.
Об этом после). Двадцать третий год.
Одесса. Разом - ссылка и свобода.
Раб, обезумев, так бывает горд,
как он. Ему - двадцать четыре года...

БИБЛИОТЕКАРЬ:

Другая возлюбленная поэта, та, что вдохновила его на создание блестящего шедевра «Я помню чудное мгновенье...» Анна Керн – стала так же бессмертна, как Лаура или Беатриче.

(слайд 17) 20-летний Пушкин встретился с 19-летней Анной Керн, уже женой старого генерала, в Петербурге, в доме Олениных. **(слайд 18)** Юная красавица произвела на поэта неизгладимое впечатление, но тогда эта встреча не стала началом каких-то отношений и на некоторое время превратилась просто в приятное воспоминание. Однако спустя пять лет им снова суждено было встретиться, теперь уже вдали от шумной столицы, **(слайд 19)** в имении соседей Пушкина Осиповых – в Тригорском, куда Анна Петровна приехала погостить. Новая встреча вызвала бурю чувств в душе поэта, особенно после того, как Анна посетила Михайловское, его имение. Взволнованный и восхищенный, Пушкин делится впечатлениями об этом визите со своим другом Анной Вульф: «Каждую ночь гуляю я по саду и повторяю себе: она была здесь – камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки гелиотропа, я пишу много стихов – всё это, если хотите, очень похоже на любовь».

(слайд 20) Поэт и Анна стали любовниками, и завязавшаяся переписка свидетельствует о возрастающем чувстве поэта, о его дружеском участии в судьбе возлюбленной. Шутливый тон писем к Керн отличается от благоговейного тона писем к Собаньской, но не умаляет любви поэта.

ЧТЕЦ:

«Я имел слабость попросить у вас разрешения вам писать, а вы - легкомыслие или кокетство позволить мне это. Переписка ни к чему не ведет, я знаю; но у меня нет сил противиться желанию получить хоть словечко, написанное вашей хорошенькой ручкой.

Прощайте, божественная; я бешусь и я у ваших ног. Тысячу нежностей Ермолаю Федоровичу и поклон г-ну Вульффу.

Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас. Надеюсь, вы прочтете это письмо тайком – спрячете ли вы его у себя на груди? ответите ли мне длинным посланием? пишите мне обо всем, что придет вам в голову, - заклинаю вас. Если вы опасаетесь моей нескромности, если не хотите компрометировать себя, измените почерк, подпишитесь вымышленным именем, – сердце мое сумеет вас угадать. Если выражения ваши будут столь же нежны, как ваши взгляды, – увы! – я постараюсь поверить им или же обмануть себя, что одно и то же.

Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая! прелесть! божественная! ...а потом: ах, мерзкая! – Простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но иногда вам не хватает здравого смысла; еще раз простите и утешьтесь, потому что от этого вы еще прелестнее...а теперь поговорим о другом. Вы уверены, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? очень он мне нужен – разве у хороших женщин должен быть характер? главное – это глаза, зубы, ручки и ножки – (я прибавил бы еще – сердце, но ваша кузина очень уж затаскала это слово). Вы говорите, что вас легко

узнать; вы хотели сказать – полюбить вас? вполне с вами согласен и даже сам служу тому доказательством: я вел себя с вами, как четырнадцатилетний мальчик, – это возмутительно, но с тех пор, как я вас больше не вижу, я постепенно возвращаю себе утраченное превосходство и пользуюсь этим, чтобы побороть вас. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обещайте мне... Нет, не хочу ваших обещаний: к тому же письмо – нечто столь холодное, в просьбе, передаваемой по почте, нет ни силы, ни взволнованности, а в отказе – ни изящества, ни сладострастия.

Если ваш супруг очень вам надоел, бросьте его, но знаете как? Вы оставляете там все семейство, берете почтовых лошадей на Остров и приезжаете... куда? в Тригорское? вовсе нет: в Михайловское!: (слайд 21) Вот великолепный проект, который уже с четверть часа дразнит мое воображение. Вы представляете себе, как я был бы счастлив? Вы скажете: «А огласка, а скандал?» Черт возьми! Когда бросают мужа, это уже полный скандал, дальнейшее ничего не значит или значит очень мало. Согласитесь, что проект мой романтичен! ...– а когда Керн умрет – вы будете свободны, как воздух... Ну, что вы на это скажете? Не говорил ли я вам, что способен дать вам совет смелый и внушительный!

А главное, не лишайте меня надежды снова увидеть вас. Иначе я, право, постараюсь влюбиться в другую... Отчего вы не наивны? Не правда ли, по почте я гораздо любезнее, чем при личном свидании; так вот, если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности – в понедельник я буду весел, во вторник восторжен, в среду нежен, в четверг игрив, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, и всю неделю – у ваших ног.

Прощайте! Сейчас ночь, и ваш образ встает передо мной, такой печальный и сладострастный: мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста.

Прощайте – мне чудится, что я у ваших ног, сжимаю их, ощущаю ваши колени, – я отдал бы всю свою жизнь за миг

действительности. Прощайте, и верьте моему бреду; он смешон, но искренен.

...не съездить ли вам в Петербург? Вы дадите мне знать об этом, не правда ли? – Не обманите меня, милый ангел. Пусть вам буду обязан я тем, что познал счастье, прежде чем расстался с жизнью! – Не говорите мне о восхищении: это не то чувство, какое мне нужно. Говорите мне о любви: вот чего я жажду. А самое главное, не говорите мне о стихах...»

БИБЛИОТЕКАРЬ:

Осознавая легкомыслие своей подруги, Пушкин пишет ей:

ЧТЕЦ: (слайд 22)

«Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши, – это стараться не думать больше о вас. Если бы в душе вашей была хоть капля жалости ко мне, вы тоже должны были бы пожелать мне этого, – но ветренность всегда жестока, и все вы, кружа головы направо и налево, радуетесь, видя, что есть душа, страждущая в вашу честь и славу».

БИБЛИОТЕКАРЬ: (слайд 23)

Прелестной, ветреной красавице, возбудившей в его душе противоречивые чувства, («...Снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я по-прежнему люблю вас, что иногда вас ненавижу, что третьего дня говорил о вас гадости, что я целую ваши прелестные ручки и снова перецеловываю их, в ожидании лучшего, что больше сил моих нет, что вы божественны и т. д.») чужой жене, несчастливой в браке, посвятил поэт одно из самых удивительных стихотворений

ЧТЕЦ: (слайд 24)

К ***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

БИБЛИОТЕКАРЬ: (слайд 25)

Лирическая героиня предстает перед читателем «мимолетным видением», наделенным и ангельскими чертами небожительницы («небесные черты»), и вполне земными «милыми чертами». Портрет ее неконкретен, неуловим – ибо она «мимолетное виденье», но прекрасна необыкновенно: «гений чистой красоты». Но обратите внимание: в стихотворении о любви любовь занимает последнее место:

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Может быть, в этом виновато отрицание «без...» – в этом случае иерархия от меньшего к большему: «даже». Но дальше тот же перечень явлений – состояний приведен в утвердительной форме – и опять любовь на последнем месте! Существует множество версий по поводу этого, казалось бы, несовместимого с истинным чувством порядка исчисления. Некоторые исследователи утверждают, что Пушкину вдохновенье (он все же поэт, это его хлеб, работа) важнее любви. Другие считают, что возлюбленная – это и есть божество (слово *гений* у древних греков как раз и означало бога, божество), и есть источник вдохновенья, она есть жизнь, то есть единственная возможность ощутить себя живым. Она и есть любовь. И слезы здесь тоже кстати: возможность плакать от радости или боли – это возрождение чувства, эмоций: «Душе настало пробужденье», «сердце бьется в упоенье»...

Восхищение «гением чистой красоты» пронес поэт через «томленья грусти безнадежной», «тревоги шумной суеты», и лишь время («шли годы») и треволения («бурь порыв мятежный») одолели воспоминания о «небесных чертах», нежном голосе милой женщины – даже не одолели – отвлекли. «В глуши, во мраке заточенья тянулись тихо дни мои...», – пишет поэт. Глушь, мрак, заточенье, тихо, тянулись – разве это жизнь для пылкой души? Но вот опять явилась она – и душа проснулась для всего того, что есть жизнь поэта: для стихов, для радости и боли, для любви – краеугольного камня всего сущего.

(Романс Глинки в исполнении О. Погудина)

БИБЛИОТЕКАРЬ: (слайд 26)

Существует легенда, что гроб с телом Анны Керн, который везли на кладбище, встретился на перекрестке с памятником Пушкину, который ввозили в Москву. В 1954 году

поэт Павел Антокольский написал балладу об этой поистине мистической встрече (если такой встречи не было, её стоило бы придумать)

ЧТЕЦ: (слайд 27)

Баллада о чудном мгновении

Ей давно не спалось в доме деревянном.
Подходила старуха, как тень, к фортепьянам,
Напевала романс о мгновении чудном
Голоском еле слышным, дыханием трудным.
А по чести сказать, о мгновении чудном
Не осталось грусти в быту ее скудном,
Потому что барыня в глухой деревеньке
Проживала как нищенка, на медные деньги.
Да и, господи боже, когда это было!
Да и вправду ли было, старуха забыла,
Как по лунной дорожке, в сверкании снега
Приезжала к нему – вся томленье и нега.
Как в объятиях жарких, в молчании ночи
Он ее заклинал, целовал её очи,
Как уснул на груди и дышал неровно,
Позабыла голубушка Анна Петровна.
А потом пришел ее час последний.
И всесветная слава, и светские сплетни
Отступили, потупясь, пред мирной кончиной.
Возгласил с волнением сам благочинный:
«Во блаженном успении вечный покой ей!»
Что в сравнении с этим счастье мирское!
Ничего не слыша, спала, бездыханна,
Раскрасавица Керн, боярыня Анна.
Отслужили службу, панихиду отпели.
По Тверскому тракту полозья скрипели.
И брели за гробом, колыхались в поле
Из родни и знакомцев десяток – не боле,

Не сановный люд, не знатные гости,
Поспешали зарыть ее на погосте.
Да лошадка по грудь в сугробе завязла.
Да крещенский мороз крепчал как назло.
Но пришлось процессии той сторониться.
Осадил, придержал правее возница,
Потому что в Москву, по воле народа,
Возвращался путник особого рода.
И горячие кони били оземь копытом,
Звонко ржали о чем-то еще не забытом.
И январское солнце багряным диском
Рассиялось о чем-то навеки близком.
Вот он – отлит на диво из гулкой бронзы,
Шляпу снял, загляделся на день морозный.
Вот в крылатом плаще, в гражданской одежде,
Он стоит, кудрявый и смелый, как прежде.
Только страшно вырос, - прикиньте, смерьте,
Сколько весит на глаз такое бессмертье!
Только страшно юн и страшно спокоен, -
Поглядите, правнуки, – точно такой он!
Так в последний раз они повстречались,
Ничего не помня, ни о чем не печалась.
Так метель крылом своим безрассудным
Осенила их во мгновении чудном.
Так метель обвенчала нежно и грозно
Смертный прах старухи с бессмертной бронзой,
Двух любовников страстных, отпылавших розно,
Что простились рано, а встретились поздно.

БИБЛИОТЕКАРЬ:

Две удивительные женщины, два удивительных стихотворения о любви. Кто ее знает, эту любовь, какой она придет и когда, в ком воплотится, где встретит тебя. Как о себе заявит... Пусть как у Пушкина.

(слайд 28)

Молодой дворянин в письмах и произведениях Пушкина: лекция

Многочисленные суждения Пушкина о дворянстве высказаны в специальных теоретических экскурсах, в журнальной полемике, в дневниковых заметках, в письмах, в устных спорах, зафиксированных мемуаристами, широко известны. В художественных произведениях образ дворянина, современника поэта, получил достаточно полное отражение. Некоторые высказывания Пушкина о дворянстве повторяются в сочинениях, написанных в разное время, что подтверждает внутреннюю убежденность поэта в их истинности.

Через все суждения Пушкина о дворянстве проходит стержневая мысль об общественно-историческом значении дворянства как просвещенного сословия. Мы обнаруживаем у Пушкина законченную концепцию просвещенного дворянства, которую он строил, ориентируясь прежде всего на передовых людей своего времени, чьи этические и политические убеждения находились в соответствии с пушкинскими представлениями об облике передового просвещенного дворянина.

*«Что такое дворянство? потомственное сословие народа высшее, то есть награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? народом или его представителями. С какой целью? с целью иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных предстателей. Какие люди составляют сие сословие? люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? люди отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain* – образ жизни, то есть неремесленный или земледельческий – ибо все сие налагает на работника или земледеля различные узы. Почему так? земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник – от числа требователей торговых, от*

мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? нужно. Чему учиться дворянство? независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? так; но образ жизни может их развить, усилить – или задушить. – Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они la sauve garde трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества» (А. Пушкин «Заметки о русском дворянстве»).

Положительные благородно-героические качества обнаруживает поэт также у многих своих современников. Примечательным фактом в этом отношении является дружба поэта с отцом и сыном Раевскими. Их он высоко ценит не только за славные подвиги в Отечественной войне, но и как честных, культурных, гуманных представителей своего сословия.

Отзыв поэта о Раевском-отце из письма к брату, Л.С. Пушкину:

«...счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой прекрасной душою, снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

Дворянство – искони служилое сословие, еще со времен, когда дворянином назывался домашний слуга боярина. Петр Первый сделал всех дворян слугами отечества: «Мы для того никому никакого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получат».

Дворянин на службе царю и отечеству. Мироощущение дворянина во многом определялось положением и ролью в государстве дворянского сословия в целом. В России XVIII – первой половины XIX в. дворянство являлось сословием

привилегированным и служивым одновременно, и это рождало в душе дворянина своеобразное сочетание чувства избранности и чувства ответственности. Отношение к военной и государственной службе связывалось в понимании дворянина со служением обществу, России. Несмотря на то, что государственной службе часто противопоставлялась частная деятельность независимых людей (подобную позицию в той или иной форме отстаивали Новиков, Державин, Карамзин), глубокого противоречия здесь не было. Во-первых, разногласия касались, в сущности, того, на каком поприще можно принести больше пользы Отечеству; самое же стремление приносить ему пользу под сомнение не ставилось. Во-вторых, даже не состоящий на государственной службе дворянин не был в полном смысле этого слова частным лицом: он был вынужден заниматься делами своего имения и своих крестьян. Один из пушкинских героев по этому поводу заметил: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих благосостояние зависит совершенно от нас, отважнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши». Разумеется, далеко не каждый помещик столь ясно осознавал свой гражданский долг, но несоответствие этим идеалам воспринималось как поведение недостойное, заслуживающее общественного порицания, что и внушалось сызмальства дворянским детям. Правило «служить верно» входило в кодекс дворянской чести и, таким образом, имело статус этической ценности, нравственного закона. Этот закон признавался на протяжении многих десятилетий людьми, принадлежавшими к разным кругам дворянского общества. Обратим внимание на то, что такие разные люди, как небогатый помещик Андрей Петрович Гринев, не читающий ничего, кроме Придворного календаря, и европейски образованный аристократ князь Николай Андреевич Болконский, провожая своих сыновей в армию, дают им, в общем, похожие напутствия. «Батюшка сказал мне: Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не

напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду.» (А.С. Пушкин. Капитанская дочка.)

«Целуй сюда, – он (старый князь – О. М.) показал щеку, – спасибо, спасибо!

– За что вы меня благодарите?

– За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего. Спасибо, спасибо! (...)

Разница между службой дворянской и службой лакейской усматривается в том, что первая предполагает личную и живую заинтересованность в делах государственной важности. Дворянин служит царю, как вассал сюзерену, но делает общее с ним дело, неся свою долю ответственности за все, происходящее в государстве.

Дворянам было дано право не служить вообще, жить, скажем, в своем родовом поместье и никак не участвовать в общественной жизни. Но этим правом практически не пользовались. Среди огромного числа знакомых А.С. Пушкина, его сверстников, нет ни одного человека, который бы никогда и никем не служил. Пусть недолго, выйдя вскоре в отставку, пусть формально, но служили все. (Как курьез вспоминают одного из князей Голицыных, человека вполне неглупого, который нигде никогда не служил и до старости подписывался «недоросль», то есть не доросший до службы.) Тем, кстати, была заметней для современников Пушкина необычность Онегина, нигде не служившего, тем более что об отце героя сказано:

Служив отлично-благородно, /Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно/ И промотался наконец.

Наиболее почетной, уважаемой, престижной в русском обществе была военная служба. Престиж офицера, защитника Отечества, был в России очень высок и официально, и в бытовой жизни. Большинство служивших дворян старалось отдать долг государству, послужив в армии, лишь позже переходя в штатскую службу либо выходя в отставку. У власти были свои причины особо жаловать военных. Русские императоры были

военными и получали военное воспитание и привыкали с детства смотреть на армию как на идеал организации; их эстетические представления складывались под влиянием парадов, они носили фраки только путешествуя за границей инкогнито. Нерассуждающий, исполнительный офицер представлялся им наиболее надежной и психологически понятной фигурой.

Особенный расцвет русского офицерства приходится на начало века, до 1825 года. Победители Наполеона, образованные молодые люди, носители лучших черт русского дворянства, представители этого поколения российской армии навсегда остались эталоном понятия «русский офицер». Понятие «офицер» во все времена было тождественным понятию «настоящий мужчина». Физическая крепость, умение ездить верхом, танцевать, знание языков, литературы, истории, владение стихосложением, музыкальными инструментами делало этих людей необычайно привлекательными, особенно для противоположного пола. И, кроме собственной привлекательности, роскошный мундир, яркий, необычный, расшитый золотом и серебром! «Хочешь быть красивым – поступи в гусары!», – заметил Козьма Прутков.

Офицерами были декабристы.

*жертвы мысли безрассудной! / Вы уповали, может
быть, / Что хватит вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс
растопить... Едва, дымясь, она сверкнула / На вековой громаде
льдов – / Зима холодная дохнула, / И не осталось и следов...*

*«Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость
самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя,
деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не
переводились, и представьте себе, какое действие должен был
он произвести между нами», – граф Б., враг загадочного и
сумрачного Сильвио из «Выстрела» – идеал офицера-гвардейца.
Жизнь армейского офицера, конечно, отличалась от жизни
гвардейского, особенно столичного. Службу приходилось нести
в местах необжитых или захолустных. «Мы стояли в местечке*

***. Жизнь армейского офицера известна. Утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером пуни и карты. В *** не было ни одного открытого дома, ни одной невесты; мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего». («Выстрел»). «Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. – Где же крепость? – спросил я с удивлением. – «Да вот она», – отвечал ящик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частью покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви». («Капитанская дочка», описание Белгородской крепости). Тем не менее, именно на окраинах Российской империи и ковался тот самый «честный служака», на котором эта империя и держалась. Так, совсем юный Петруша Гринев перед лицом смертельной опасности демонстрирует немалое мужество, порядочность, верность присяге – дворянское понимание чести офицера.

«Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» – сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», – повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить.

Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной! – говорил бедный дядька. – Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», – говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» – говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! – шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. – Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. («Капитанская дочка»).

Как же формировался этот человеческий тип – русский дворянин?

К дворянским детям применялось так называемое «нормативное воспитание», т. е. воспитание, направленное не столько на то, чтобы раскрыть индивидуальность ребенка, сколько на то, чтобы отшлифовать его личность соответственно определенному образцу. При этом необходимо иметь в виду, что «дворянское воспитание» – это не педагогическая система, не особая методика, даже не свод правил. Это, прежде всего, образ жизни, стиль поведения, усваиваемый отчасти сознательно, отчасти бессознательно: путем привычки и подражания; это традиция, которую не обсуждают, а соблюдают. Поэтому важны не столько теоретические предписания, сколько те принципы, которые реально проявлялись в быте, поведении, живом общении.

Недаром, делая запись в своем дневнике о смерти князя Кочубея, Пушкин замечает: «...он был человек хорошо воспитанный – и это у нас редко, и за это спасибо».

Решающая установка в воспитании дворянского ребенка состояла в том, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Быть храбрым, честным, образованным ему следовало не для того, чтобы добиться чего бы то ни было (славы, богатства, чина), а потому что он дворянин, что ему много дано, поэтому что он должен быть именно таким. Воспитание молодого человека, имеющего счастье (и несчастье) быть наследником большого состояния, описано неоднократно: сначала крепостная нянюшка учит младенца прекрасной русской речи, после чего извечную нашу Арину Родионовну сменяет извечный гувернер из французов – католик. Это, кстати, вызывало изумление жившего в те годы в России Жозефа де Местра. Отмечая непримиримость русской православной церкви, ее постоянную борьбу с католицизмом, граф удивлялся полнейшему ее равнодушию к тем, кто воспитывает русских детей...

*...француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.*

Затем легкомысленного француза сменял дотошный англичанин – тоже отнюдь не принадлежавший к православию. Он учил нашего героя любить Англию, а заодно и пить грог. Ну а потом:

*Острижен по последней моде,
Как dandy лондонский одет –
И наконец увидел свет.*

Галломанию, столь модную в России, начала сменять англomania. Две империи владели умами тогдашних комильфо, и первая – империя вчерашнего лейтенанта, ставшего владыкой полумира, рушившего троны и назначавшего королей. «Столбик

с куклою чугуной» – в походном сюртуке, со скрещенными на груди руками – украшал комнаты и мечты молодых людей. Свободное владение французским языком, чтение французских романов, неперенное путешествие во Францию с образовательной целью, и, конечно, француженка-гувернантка или француз-гувернер в детстве и юности – отличительные черты русского дворянина.

*Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...
Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как dandy лондонский одет –
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.
Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был по мнению многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока*

*Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм
Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить vale,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.
Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокой эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.*

«Онегина» потому и называют «энциклопедией русской жизни», что в нем подробно описана жизнь дворянина с молодых ногтей. Времяпрепровождение же молодых людей с поправкой на столичный блеск и размах и провинциальные скуку и

однообразии мало чем различались: обед и обильная выпивка в кругу друзей: [Сильвио] ...«держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. Правда, обед его состоял из двух или трех блюд, изготовленных отставным солдатом, но шампанское лилось притом рекою».

Покамест в утреннем уборе,

Надев широкий боливар (3),

Онегин едет на бульвар

И там гуляет на просторе,

Пока недремлющий брежет

Не прозвонит ему обед.

Уж тёмно: в санки он садится.

«Пади, пади!» – раздался крик;

Морозной пылью серебрится

Его бобровый воротник.

К Talon помчался: он уверен,

Что там уж ждет его Каверин.

Вошел: и пробка в потолок,

Вина кометы брызнул ток...»

Вина кометы брызнул ток..., поездка в театр или на бал или в гости к соседям, «потанцевать под фортепьяно» (это в провинции).

Существовали общие забавы тогдашних молодых людей – Лунина, Пушкина и прочих, почитавших непременно быть «друзьями Вакха и Венеры». Походы в веселые дома, легкомысленные дамы, безо всякого уважения представленные в стихах Пушкина... В письмах Пушкина к Вульффу – «наука страсти нежной, которую воспел Назон» и преуспеть в которой считали обязательным тогдашние молодые люди. Причем важно было не только соблазнить даму, но и выставить на веселое поругание рогатого титулованного мужа.

Приятно дерзкой эпиграммой

Взбесить оплошного врага,

Приятно зреть, как он, упрямо

Склонив бодливые рога,

*Невольню в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится...*

Скомпрометировать, а то и соблазнить барышню было не комильфо, но встречалось не так уж редко. Так, Бурмин, герой повести «Метель» от скуки и бравады ... женился.

Старый священник подошел ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?», – «Начинайте, начинайте, батюшка», отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне не дурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцалуйтесь», сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцаловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: пошел!..»... «В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подишутил я так жестоко, и которая теперь так жестоко отомщена». («Метель»)

Если за женщину было кому вступиться, шутника ждал бы вызов на дуэль. Дуэль – одно из самых примечательных выражений дворянского понимания point d'honneur. Дворянской чести, едва ли не главной сословной добродетели. Согласно дворянской этике, «честь» не дает человеку никаких привилегий, а напротив, делает его более уязвимым, чем другие. В идеале честь являлась основным законом поведения дворянина, безусловно и безоговорочно преобладающим над любыми другими соображениями, будь это выгода, успех, безопасность и просто рассудительность. Граница между честью и бесчестьем порой была чисто условной, Пушкин даже определял честь как «готовность жертвовать всем для поддержания «какого-нибудь

условного правила». В другом месте он писал: «Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав».

Не только с точки зрения «мирного алеута», но и с позиции здравого смысла дуэль была чистым безумием, ибо цена, которую приходилось платить обидчику, была слишком высока. Тем более что часто дворянина толкали на дуэль соображения достаточно суетные: боязнь осуждения, оглядка на «общественное мнение», которое Пушкин называл «пружиной чести», а порой удалство (ухарство, если по-русски) или скука. Естественно, дуэли чаще возникали в частях, расквартированных в столицах, в первую очередь в гвардейских. *«Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех или свидетелем, или действующим лицом. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня как на необходимое зло».* («Выстрел»)

Предполагалось, что служба гвардейского офицера должна сочетаться со светской жизнью. Гвардейцы были военными в салонах и на балах – и светскими людьми, аристократами – в казармах и на парадах. Светская жизнь давала много причин для взаимного неудовольствия, а военные привычки предполагали наилучший способ удовлетворения – с оружием в руках. *«Я стал искать с ним ссоры; на эпиграммы мои отвечал он эпиграммами, которые всегда казались мне неожиданнее и острее моих и которые, конечно, не в пример были веселее: он шутил, а я злобствовал. Наконец однажды на бале у польского помещика, видя его предметом внимания всех дам, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною в связи, я сказал ему на ухо какую-то плоскую грубость. Он вспыхнул и дал мне пощечину. Мы бросились к саблям; дамы попадали в обморок; нас растащили, и в ту же ночь поехали мы драться».* («Выстрел»)

Однако в этом безумии был свой блеск: храбрость под дулом пистолета вызывает уважение. Снова вспомним графа Б. из «Выстрела» и его поведение во время дуэли с Сильвио. Впрочем, готовность рисковать жизнью для того, чтобы не стать обещанным, требовала мужества не только на дуэли. Скажем, Владимир Дубровский, притворяясь гувернером Дефоржем, не равен Троекурову по положению и за шутку с медведем не мог бы вызвать обидчика на дуэль (точнее, Троекуров вызова бы не принял), тем не менее, он демонстрирует в опасной ситуации и мужество, и самоуважение.

«Несколько дней спустя после приезда учителя, Троекуров вспомнил о нем и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повел он его с собою темными коридорами – вдруг боковая дверь открылась – двое слуг вталкивают в нее француза и запирают ее на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошел на него... Француз не смутился, не побегал, и ждал нападения. Медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленькой пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Все сбегалось, двери открылись, Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки. Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу – кто предварил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей, Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

– Я не слыхивал о медведе, – отвечал Дефорж, – но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения. Маша смотрела на него с изумлением, и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: – Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил. С той минуты он

Дефоржа полюбил, и не думал уже его пробовать».
(«Дубровский»)

Дуэль же требовала не только храбрости, но и также честности и перед другими, и перед самим собой. Человек должен был привыкать отвечать за свои слова; «оскорблять и не драться» (по выражению Пушкина) – считалось пределом низости. Так, граф Б., выстрелив в Сильвио, оставил ответный выстрел за соперником. «Вы ничуть не мешаєте мне, – возразил он, – извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно: выстрел ваш остается за вами; я всегда готов к вашим услугам». Я обратился к секундантам, объявив, что нынче стрелять не намерен, и поединок тем и кончился». («Выстрел»)

Дуэль Онегина с Ленским – олицетворение того, во что, однако, превращает дуэль «общественное мнение». Онегин, желая позлить Ленского, притащившего его на праздник к Лариным, флиртует с Ольгой и достигает цели. Однако Ленский чересчур серьезно отнесся к ситуации и, возомнив себя спасителем Ольги, вызывает Онегина.

*То был приятный, благородный,
Короткий вызов, иль картель:
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.
Онегин с первого движенья,
К послу такого порученья
Оборотясь, без лишних слов
Сказал, что он всегда готов.
Зарецкий встал без объяснений;
Остаться доле не хотел,
Имея дома много дел,
И тотчас вышел; но Евгений
Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой.*

Пушкин подобрал глаголы, чтобы полнее обрисовать состояние Онегина после получения вызова: «обвинял себя», «был должен», «он мог бы», «он должен был обезоружить

младое сердце...» Но почему все эти глаголы стоят в прошедшем времени? Ведь еще можно поехать к Ленскому, объясниться, забыть вражду – еще не поздно... Нет, поздно! Вот мысли Онегина:

*...в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шепот, хохотня глупцов...*

«Наедине с своей душой» Онегин все понимал. Но в то-то и беда, что умение остаться наедине со своей совестью, «на тайный суд себя призвав», и поступить так, как велит совесть, – это редкое умение. Для него нужно мужество, которого нет у Евгения. Судьями оказываются Зарецкий, Пустяковы и Буяновы с их низкой моралью, выступить против которой Онегин не смеет.

Поведение Онегина и Ленского перед дуэлью еще раз убеждает нас в их «разности»: Ленский переживает, «Шиллера открыл», но не может не думать об Ольге и пишет любовные стихи. Онегин же «спал в это время мертвым сном» и едва не проспал.

Однако Онегин сделал все, чтобы расстроить дуэль: явился с опозданием на час, вместо секунданта-дворянина привел своего слугу, оскорбил Зарецкого фразой о нем: «... уж, конечно, малый честный», противопоставив дворянину лакея. Тем не менее выстрелить в воздух Онегин не посмел. Финал дуэли вызвал в Евгении ужас.

*Что ж, если вашим пистолетом
Сражен приятель молодой,
Нескромным взглядом, иль ответом,
Или безделицей иной
Вас оскорбивший за бутылкой,
Иль даже сам в досаде пылкой
Вас гордо вызвавший на бой,*

*Скажите: вашею душой
Какое чувство овладеет,
Когда недвижим, на земле
Пред вами с смертью на челе,
Он постепенно костенеет,
Когда он глух и молчалив
На ваш отчаянный призыв?*

В эпизоде дуэли из английского фильма режиссер, разъяснив нам как правила дуэли, так и их нарушения устами Зарецкого – явно находясь на стороне Онегина, еще и заставляет его стрелять вторым, в ответ на выстрел Ленского. В романе Онегин Ленского убивает, в фильме он вроде как защищается.

После смерти Ленского Онегина мучили угрызения совести. Но не сильно. И не долго. В письме к Татьяне Онегин пишет: «Несчастной жертвой Ленский пал». Словно он «пал» сам по себе, без участия самого Онегина. К весне о Ленском, похороненном вне кладбища – так хоронили самоубийц (из чего следует, что никакому уголовному преследованию его убийца не подвергался) все забыли. Ольга вышла замуж... Ну, дуэль. С кем не бывает.

В письме брату Льву Пушкин советует не сближаться с людьми, не верить внешним проявлениям дружелюбия и расположения – в этом случае не будешь обижен, задет – не будет и повода для ссор.

«...Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это – средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоём в свет.

Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро

бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе.

Никогда не принимай одолжений. Одолжение, чаще всего – предательство. Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает».

За дуэль, безусловно, наказывали – ранение или убийство человека, пусть и по неким правилам, пусть и в присутствии свидетелей, все же уголовное преступление. Но наказывали за него менее сурово, чем за преступление... обычное: строгой епитимьей, заключением в крепость, ссылкой на Кавказ, переводом из гвардии в армию или разжалованьем в солдаты (правда, история дуэлей, начавшаяся во времена Петра I, знала и более жестокие времена – Петр дуэлянтов – тогда говорили «дуэлистов» – вешал, как выживших, так и мертвых: жизнь подданного принадлежит сюзерену, а не самому этому подданному). Готовность рисковать не только жизнью, но и положением в обществе – именно в таком порядке – не означала, однако, что все ходили, оглядываясь в поисках подходящего врага: необходимо было избегать как излишней мнительности, так и недостаточной требовательности. Честерфилд в своих «Письмах к сыну» дает юноше четкие рекомендации на этот счет: «Помни, что для джентльмена и человека талантливого есть только два procedes [Образа действия (франц.)]: либо быть со своим врагом подчеркнуто вежливым, либо сбивать его с ног. Если человек нарочито и преднамеренно оскорбляет и грубо тебя унижает, ударь его, но если он только задевает тебя, лучший способ отомстить – это быть изысканно вежливым с ним внешне и в то же время противодействовать ему и возвращать его колкости, может быть, даже с процентами». Честерфилд поясняет сыну, почему необходимо владеть собой настолько, чтобы быть приветливым и учтивым даже с тем, кто точно не

любит тебя и старается тебе навредить: если своим поведением ты дашь почувствовать окружающим, что задет и оскорблен, ты обязан будешь надлежащим образом отплатить за обиду. Но требовать сатисфакции из-за каждого косого взгляда – ставить себя в смешное положение». «В светской жизни, – объяснял Честерфилд, – человеку часто приходится очень неприятные вещи встречать с непринужденным и веселым лицом; он должен казаться довольным, когда на самом деле очень далек от этого; должен уметь с улыбкой подходить к тем, к кому охотнее подошел бы со шпагой».

«Тона высшего круга невозможно перенять, – пишет Ф. Булгарин, – надобно родиться и воспитываться в нем. Сущность этого тона: непринужденность и приличие. Во всем наблюдается середина: ни слова более, ни слова менее; никаких порывов, никаких восторгов, никаких театральных жестов, никаких гримас, никакого удивления. Наружность – лед, блестящий на солнце».

«Я В восхищении от светски образованной женщины и мужчины тоже. У них все, начиная от выражений до движений, приведено в такую ровную, стройную гармонию, у них во всех пульс, кажется, одинаково бьется» – читаем в повести Т.Г. Шевченко «Художник».

«Управляй лицом по своей воле, чтобы не было на оном изображено ни удивления, ни удовольствия, ни отвращения, ни скуки!»

«Но способность не растеряться в неожиданных, неблагоприятных обстоятельствах, с легкой душой взяться за неинтересную работу, не поддаваться тому, что называется ударами судьбы, сохранить истинное жизнелюбие – одним словом, не дать себя разрушить – эти драгоценные свойства также воспитываются... Женщина хорошего тона, «чтобы с честью поддерживать свою репутацию, должна была казаться спокойной, ровной, бесстрастной, не вызывать ни особого внимания, ни повышенного любопытства, должна была владеть собой в совершенстве» (ссылка на А.Ф. Бриген в 1836 году).

*И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон
(«Евгений Онегин»)*

Герой романа Бульвера-Литтона «Пелэм или приключения джентльмена» охотно делится с читателями своими наблюдениями над жизнью светского общества.

«Я неоднократно наблюдал, – пишет он в частности, – что отличительной чертой людей, вращающихся в свете, является ледяное, невозмутимое спокойствие, которым проникнуты все их действия и привычки, от самых существенных до самых ничтожных: они спокойно едят, спокойно двигаются, спокойно живут, спокойно переносят утрату своих жен и даже своих денег, тогда как люди низшего круга не могут донести до рта ложку или снести оскорбление не поднимая при этом неистового шума». Пелэм всегда немного утрирует и насмешничает, однако здесь он не далек от истины. Совершенно в том же духе поучает своего сына граф Честерфилд: «Человек, у которого нет *du monde* [Светскости (фр.)], при каждом неприятном происшествии то приходит в ярость, то бывает совершенно уничтожен стыдом, в первом случае он говорит и ведет себя как сумасшедший, а во втором выглядит как дурак. Человек же, у которого есть *du monde*, как бы не воспринимает того, что не может или не должно его раздражать. Если он совершает какую-то неловкость, он легко заглаживает ее своим хладнокровием, вместо того, чтобы смутившись, еще больше ее усугубить и уподобиться споткнувшейся лошади». «Сильвио имел обыкновение за игрою хранить совершенное молчание, никогда не спорил и не объяснялся». («Выстрел»)

Высочайшим проявлением подобной светскости был дендизм, своего рода свет внутри света, сливки сливок,

королевство в королевстве, – «империя денди» (вот и вторая империя) во главе с ее некоронованным владыкой, англичанином Джорджем Брэммелем. Как и всякий император, лорд Брэммель тоже издавал законы – к примеру, вдруг начинал носить накрахмаленные галстуки или перчатки до локтей, и никто не смел ослушаться – все носили. И будущий английский король принц Уэльский (принц-регент), и король поэтической Европы лорд Байрон были подданными этой империи.

Но дендизм – это не только искусство одеваться и счастливая диктатура элегантности. Это манера жить. Это *тот* ресторан, *та* любовница, *та* дуэль, *те* привычки...

Главная гордость денди – быть не как все, поступать совершенно неожиданно, но демонстрируя при этом такт и искусство истинного денди – умение нарушать правила... в пределах правил, быть эксцентричным и радостно непредсказуемым, оставаясь в рамках хорошего тона и безупречной светскости.

Именно наглость, прикрытая издевательской вежливостью, составляет основу поведения денди. Герой неоконченного пушкинского «Романа в письмах» точно описывает механизм дендистской наглости: *«Мужчины отменно недовольны моею fatuite indolente, которая здесь еще новость. Они бесятся тем более, что я чрезвычайно учтив и благопристоен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство – хотя и чувствуют, что я нахал».*

Старший друг Пушкина, Павел Чаадаев, с начала жизни стал полномочным послом дендизма в России: его манеры, умение одеваться и его странности (но не смешные, а напротив, те странности – таинственные, ему только присущие, непредсказуемые) будут притчей во языцех на всем протяжении его жизни – и светского льва, и объявленного сумасшедшим затворника. Это было время, когда утончённая и аристократическая внешность высоко ценилась у мужчин, а носители подобного генофонда свободно разгуливали по улицам обеих столиц России. Изысканная элегантность,

рафинированный вкус котировались тогда наряду с исконно мужскими качествами – мужественностью, честностью, благородством и милосердием.

Рассматривая фотографии и портреты русских денди, невольно отмечаешь особенности типажей мужской красоты того времени – благородные овалы всегда гладко выбритых лиц, уложенные, набриолиненные причёски с проборами, осмысленный взгляд, холёные руки правильной формы, элегантная и модная одежда. Высший шик для денди – соблюдать правила, нарушая их, быть эксцентричным и странным, оставаясь в рамках хорошего тона... Одно из отличий денди от модника, щёголя, франта состояло в том, что денди не следовали моде, они её творили сами (разумеется, в пределах допустимого). Онегин демонстрирует основные качества денди, которого отличают – холодная гордость, блестящее тщеславие, вежливое презрение к людям, надменная независимость, умственная утончённость и уверенный культ своей личности. В «Евгении Онегине» по тексту разбросаны правила (принципы? идеи? основы?) дендизма как жизненной философии и мироощущения (*он три часа, по крайней мере, перед зеркалами проводил... как рано мог он лицемерить, казаться мрачным, изнывать, разуверять, заставить верить... Прямым Онегин Чильд-Гарольдом Вдался в задумчивую лень: Со сна садится в ванну со льдом... Двойной лорнет скосясь наводит На ложи незнакомых дам... и пр.*).

Другой характерный признак бытового дендизма – поза разочарованности и пресыщенности. В «Барышне-крестьянке» Пушкин говорит о моде, требовавшей от молодого человека подчинять свое каждодневное бытовое поведение подобной маске: *«Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Он первый перед ними явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы»*. В «Барышне-крестьянке» деталь эта окрашена в тона *versunkende*

Kultur* и звучит иронически. В письме А. Дельвигу от 2 марта 1827 года Пушкин пишет о младшем брате Льве Сергеевиче: «Лев был здесь; малый проворный, да жаль, что пьет. Он задолжал у вашего Andrieux** 400 рублей и убулдил жену гарнизонного майора. Он воображает, что имение его расстроено и что истошил всю чашу жизни. Едет в Грузию, чтоб обновить увядающую душу. Уморительно». Сам Пушкин, будучи денди в одежде, житейских привычках отличался, от остальных тем, что зарабатывал на жизнь – он был, вероятно, первым профессиональным русским литератором. Поэтому ирония слышна в описании дендизма Алексея; по поводу Онегина Пушкин задается вопросом: «Уж не пародия ли он?» Описывая графа Нулина, Пушкин перечисляет все приметы денди уже не посмеиваясь, а прямо смеясь:

*Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков à jour,
С ужасной книжкой Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С bon-mots парижского двора,
С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera...*

Нулин смешон в своем стремлении соответствовать, подражать некоему образцу и твердом намерении потрясти столицу («Петрополь») своей оригинальностью («чудный зверь»). Однако главное отличие дворянина, который «верный снимок Du comme il faut...» – отсутствие вульгарности,

нарочитости, и вот здесь Нулин не *du comme il faut...*» – он вторичен, не оригинален. Выразительна в этом отношении одна из записей Пушкина в «Table-Talk»: *«Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, vulgar, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный».* Очевидно, было не принято оказывать подобные услуги нестарому мужчине; и эта, незначительная для людей другого круга, деталь для Пушкина становится выразительнейшим штрихом в уничижительной характеристике Надеждина.

Слово «простонародный» в данном случае, так же как и слово *vulgar*, обозначает облик и поведение человека невоспитанного, не имеющего представления о «приличиях». Отсылка Пушкина к «высокому лондонскому кругу» позволяет полнее раскрыть смысл, который вкладывался в понятие *vulgar*. В романе Бульвера-Литтона леди Пелэм делится соображениями на этот счет со своим юным сыном: *«Вот основная причина, что у нас манеры лучше, чем у этих людей; у нас они более естественны, потому что мы никому не подражаем; у них искусственны, потому что они селятся подражать нам; а все то, что явно заимствовано, становится вульгарным».* Заметим, что Пушкин, говоря о Татьяне, особо выделяет:

«Без этих маленьких ужимок, /Без подражательных затей...»

Следовательно, вульгарность – это неуклюжее подражание, манерность и неестественность, противоположные благородной простоте и непринужденности аристократических манер. Честерфилд в своих письмах к сыну дает развернутое представление о вульгарном, с точки зрения английского джентльмена, поведении.

«Человек вульгарный придирчив и ревнив, он выходит из себя по пустякам, которым придает слишком много значения». Ему постоянно кажется, что он находится в центре внимания: говорят о нем, смеются над ним, пренебрегают им. Человеку светскому ничего подобное даже в голову не придет; кроме

того, он вообще выше мелочей и всегда готов скорее уступить, чем пререкаться из-за ерунды».

По наблюдению Честерфилда, вульгарный человек больше всего любит говорить о своих домашних делах и соседях, причем он «привык обо всем этом говорить с пафосом, как о чем-то необыкновенно важном». Речь вульгарного человека характерна тем, что у него всегда есть какое-нибудь любимое словечко, которое он употребляет на каждом шагу.

Нетрудно заметить, что вульгарность для Честерфилда – синоним невоспитанности, всего того, что противоречит светскости, хорошему тону, чувству собственного достоинства. В конце 1940-х годов в России на одной из постоянных баз геологических экспедиций был исключительно грязный, загаженный общественный туалет. Но, разумеется, не это, привычное для всех, обстоятельство привлекало общее внимание, а то, что на базу, в составе одной из экспедиций, должен был приехать потомок древнего княжеского рода. «Мы-то, ладно, потерпим, – шутили геологи, – но что будет делать Его светлость?!» «Его светлость», приехав, сделал то, что многих обескуражило: спокойно взял ведро с водой, швабру и аккуратно вымыл загаженную уборную...

Это и был поступок истинного аристократа, твердо знающего, что убирать дерьмо – не стыдно, стыдно – жить в дерьме.

Дворян в России было менее 2 %, но именно они определяли лицо нации, составляли ее гордость и славу. При всех известных минусах именно дворянство выстраивало модель поведения благородного человека, возможно, и недостижимую в быту, но необходимую как эталон. «Независимость, храбрость, благородство (честь вообще)», говоря словами Пушкина – это то, чему семья, общество («свет»), государь учат молодого дворянина и то, чего от него ожидают.

**Сказки Пушкина. Викторина для знатоков:
текст к слайд-презентации**

1. Как начинается пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке»?
 - А. «Жили-были старик со старухой».
 - Б. «Жили-были дед да баба».
 - В. «Жил старик со своею старухой».**
 - Г. «У моря, у синего моря, где волны шумят на просторе».

2. Кем был мудрец, подаривший царю Додону золотого петушка?
 - А. Звездочетом**
 - Б. Врачевателем
 - В. Фокусником
 - Г. Волшебником

3. Сколько раз закидывал старик невод в тот день, когда поймал золотую рыбку?
 - А. Два раза
 - Б. Три раза**
 - В. Пять раз
 - Г. Семь раз

4. Как именно старик обращался к золотой рыбке?
 - А. «Золотая рыбка»
 - Б. «Владычица морская»
 - В. «Ваше величество»
 - Г. «Государыня рыбка»**

5. Сколько желаний старухи исполнила золотая рыбка?
 - А. Три
 - Б. Четыре**
 - В. Пять
 - Г. Шесть

6. Как долго ухаживал царь Салтан за своей будущей женой?

А. Один день

Б. Одну неделю

В. Один месяц

Г. Один год

7. «Правду молвить, молодлица уж и впрямь была...

А. Жар-птица

Б. Красавица

В. Царица

Г. Чаровница

8. Царь Салтан обратил внимание на будущую жену потому, что она

А. Круглолица, черноброва, нраву кроткого такого

Б. Была неразговорчива

В. Обещала родить богатыря

Г. И умом, и всем взяла

9. Виновных в разлуке Салтана с женой и сыном ткачиху с поварихой и сватьей бабой Бабарихой царь...

А. Казнил

Б. Посадил в темницу

В. Проклял

Г. Отпустил домой

10. Желая настоять на своем решении навестить Гвидона, Салтан крикнул:

А. «Я тут главный!»

Б. «Я один решаю тут!»

В. «Что я – царь или дитя?»

Г. «С трона мне всегда видней!»

11. Какая птица пыталась убить Лебедь белую?

А. Орел

Б. Коршун

В. Ястреб
Г. Беркут

12. Как быстро рос царский сын в бочке?

А. В час по чайной ложке

Б. Со скоростью звука

В. Не по дням, а по часам

Г. Во весь опор

13. Какую работу НЕ выполнял Балда на подворье попа?

А. Повар

Б. Плотник

В. Конюх

Г. Слесарь

14. Какое приданое давал за дочь царь королевичу Елисею?

А. Множество добра,

Мехов, атласа, серебра

Б. Луга необозримы

и вольны табуны коней

В. Полцарства

Г. Семь торговых городов,

Да сто сорок теремов.

15...И девица, Шамаханская царица, Вся сияя, как ...

А. Восход

Б. Брильянт

В. Заря

Г. Жар-птица

16. Свойство зеркальце имело...

А...до рассвета песни пело

Б... ярче радуги блестело

В...говорить оно умело

Г...отражало что хотело

17. В какое насекомое НЕ превращался князь Гвидон?

А. В комара

Б. В муху

В. В шмеля

Г. В овода

Список используемой литературы и интернет-источников

Гордин Я. А. Право на поединок. Л., 1989.

Гордин Я. А. Русская дуэль. СПбБиблиотекарь, 1993.

Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты. СПбБиблиотекарь, 1996.

Лотман Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). Любое издание

Лотман Ю. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Любое издание

Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина Москва, 1995

Сборник сочинений А. Пушкина

Чахор Рафал Менталитет провинциального дворянства в период общественно-политических изменений второй половины XIX века (на примере литературных произведений) Вроцлав, 2013

https://www.academia.edu/5305151/Менталитет_провинциального_дворянства_в_период_общественно-политических_изменений_второй_половины_XIX_века_на_примере_литературных_произведений

Время и мода. Дендизм как явление в моде XIX века

<http://fashionstime.ru/?p=2206>

В. Дурасов - 1912г. Санкт – Петербург Дуэль

<http://www.pistoletchik.ru/library/codex.html>

Востриков А. Книга о русской дуэли «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014

[http://www.e-reading.life/bookreader.php/1032077/Vostrikov_-_Kniga_o_russkoy_dueli_\(s_illyustraciyami\).html](http://www.e-reading.life/bookreader.php/1032077/Vostrikov_-_Kniga_o_russkoy_dueli_(s_illyustraciyami).html)

<http://sitephilologist.jimdo.com/диафильмы-к-урокам-литературы-и-русского-языка/>

Составитель:
Е.В. Маркова

Корректор В.И. Щинникова
Компьютерная вёрстка и обложка М.Н. Щербакова
Ответственный за выпуск З.П. Гурьян

БУК «Областная библиотека для детей и юношества»
644043, город Омск,
ул. Красный Пути, 81
Тел.: (3812) 275 211
Факс: 211 061
e-mail: oubomsk@mail.ru
<http://oubomsk.ru>